

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЕМЕЙНОГО, ПЕДАГОГИЧЕСКОГО, МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО И ВОЗРАСТНОГО ДИСКУРСОВ

Садовская Екатерина Юрьевна

докторант, УО «Минский государственный
лингвистический университет»
sadovskaya@sbmt.by

ABOUT THE INTERACATION OF FAMILY, PEDAGOGICAL, INTERGENERATIONAL, AND AGE DISCOURSES

E. Sadovskaya

Summary: The article deals with the interaction of family, pedagogical, intergenerational, and age discourses. They function either independently or form complex hybrid combinations with each other. The basis for the identification and differentiation of discourses is the identity of the communicants which they choose to activate during the communication process.

Keywords: family discourse, pedagogical discourse, intergenerational discourse, age discourse, identity, actualization.

Аннотация: В статье рассматривается взаимодействие семейного, педагогического, межпоколенческого и возрастного дискурсов. Они могут функционировать как самостоятельные дискурсы, так и в виде сложных гибридных дискурсивных образований. В качестве основания для идентификации и разграничения дискурсов используется идентичность коммуникантов, которую они актуализируют в момент коммуникации.

Ключевые слова: семейный дискурс, педагогический дискурс, межпоколенческий дискурс, возрастной дискурс, идентичность, актуализация.

Среди всего разнообразия изучаемых дискурсов особое место занимают такие социальные и тематические дискурсы, как семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной. Их значимость обусловлена, прежде всего, их социальной ролью. Данные дискурсы также часто образуют сложные синкретичные гибридные образования, которые в настоящий момент являются малоизученными. Данная статья ставит своей целью эксплицировать основания для идентификации межпоколенческого, семейного, педагогического и возрастного дискурсов и рассмотреть варианты их гибридных образований.

В настоящее время «... основания, по которым выделяются конкретные типы дискурсов, множатся, а, следовательно, все возрастает количество описываемых дискурсов и дискурсивных разновидностей (дискурс власти, дискурс рынка, дискурс надежды и отчаяния, диалектный дискурс, устный дискурс и мн. др.) [1, с.73]. Семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной дискурсы занимают особое место в ряду других дискурсов, так как в процессе семейной, педагогической, межпоколенческой и возрастной коммуникации транслируется определенное мировоззрение, которое передается от поколения к поколению, от старшего к младшему, от родителей детям, от педагогов ученикам, и наоборот, что, в свою очередь, поддерживает существование социума и конструирует социальную реальность: «Люди воздействуют друг на друга посредством языковых интеракций. В этих интеракциях рождается социальная действительность, непрерывно регулируемая ими, а существовавшие до данного времени содержание и

формы культуры сталкиваются с новыми, в том числе и творческими (свободная воля), действиями участников общественной жизни» [2, с.9], т.е. семейное, педагогическое, межпоколенческое и возрастное взаимодействие используется в качестве «способов общения и понимания социального мира» [3, с.124].

По мнению Е.Г. Малышевой, «... традиционно выделяемые институциональные дискурсы (политический, спортивный, медицинский, военный, дипломатические и др.), как правило, изначально задаются темой общения и представляют собой сложные дискурсивные образования, дискурсивные пространства – организованные по принципу поля системы дискурсивных разновидностей, объединенные прежде всего общностью тематики и концептуальной доминанты, репрезентированной в рамках дискурса» [1, с.73]. Семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной дискурсы представляют собой такие же сложные образования, которые задаются как темой общения, так и социальными потребностями общества. В процессе взаимодействия в рамках данных дискурсов коммуникацию осуществляют представители определенных социокультурных групп, которые активируют собственную социальную идентичность в определенный момент времени. В случае семейного, педагогического, межпоколенческого и возрастного общения в качестве таких групп могут выступать семья, учебный коллектив, поколенческие когорты, которые подчеркивают принадлежность к тому или иному поколению, месту в семейной иерархии, различной возрастной группе и/или роли в рамках учебно-воспитательного процесса.

Представляя собой «вербализованное мировоззрение» [4], семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной дискурсы выстраиваются «... с учетом: а) социально-иерархического устройства общества; б) особенностей организации межличностных отношений членов речевого коллектива; в) многообразия социально-культурных, статусно-ролевых, психологических и других характеристик интерактантов» [5, с.10], т.е. демонстрируют статусность партнеров по коммуникации, наличие либо отсутствие иерархического расположения коммуникантов по отношению к друг другу, особенностей обращения представителей различных поколений, возрастов, семейных структур и социальных групп друг к другу и друг с другом в коммуникативном взаимодействии, степень близости и отдаленности [11]. В список выполняемых данными дискурсами функций входят: «... мировоззренческая..., миромоделирующая..., регулятивная..., эмоционально-экспрессивная...» [6, с.5]. Однако разделяющим моментом в выявлении данных дискурсов и их гибридных образований является не столько выполнение определенных функций или наличие иерархической структуры, сколько вопрос выбираемой идентичности, т.е. «...специфические роли, которые люди выполняют в некой ситуации по отношению к другим ее участникам» [7, с.409].

Социальные роли и идентичность в обозначенных дискурсах обладают общим объединяющим началом, а именно отсутствием внимания к различиям внутри группы и значимостью отличия одной группы от другой, выделяемых на основе принадлежности к иному поколению, различающемуся возрасту коммуникантов, по месту партнеров по диалогу в семейной иерархии либо структуре учебного процесса [12, с.222], т.е. «Различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» [8, с.9].

Идентификация, как правило, осуществляется на основании определенного признака, например, «... по признакам профессии и социальной роли: Товарищ милиционер ...; по признакам возраста или пола: Молодой человек...; по тому, чем занят человек в данный момент: «Товарищи отдыхающие» ...; по родству и «дружеству»: Мама; Сынок ...» [9, с.115]. Соответственно, выделяемые виды дискурсов также предполагают актуализацию идентичности коммуникантов, когда может актуализироваться роль члена семьи, учителя либо ученика, представителя конкретного поколения, человека определенного возраста. Какую именно идентичность выбирают коммуниканты в процессе общения? При передаче одного и того же сообщения идентичность коммуниканта может варьироваться от сингулярной (представитель конкретного поколения) до комбинаторной (врач-

мужчина из поколения бэби-бумеров). Эксплицированная сингулярная идентичность позволяет достаточно легко классифицировать дискурсивное взаимодействие как семейное, педагогическое, межпоколенческое или возрастное:

«Прихожу я домой после школы, а там сестра моя стоит и говорит мне:

– Как братик твои дела?

– У меня все хорошо, а твои как? Почему ты меня встречаешь после школы у самой двери и спрашиваешь, как дела?

– А потому что соскучилась по тебе!

– А ну все понятно, куда девался мой мяч!» (Знания. <https://znaniya.com/task/671587>)

Использование ядерных маркеров (сестра, братик) как автором текста, так и коммуникантом, актуализируют семейную идентичность и позволяют идентифицировать данный фрагмент как образец семейного дискурса.

Представленный ниже пример представляет собой образец педагогического дискурса с актуализированной идентичностью взаимодействующих учителя и ученика:

«Ты где находишься? Почему ты хохочешь на уроке! Ниткин, встань!» (А. Дудолодов. Бац – и готово! // «Трамвай», 1990)

Маркер «ваше поколение» и обращение одного поколения к другому позволяют эксплицировать межпоколенческий характер взаимодействия в следующем фрагменте:

«– Ну почему, почему вы такие циники, ваше поколение?» (Игорь Мартынов. Это наша с тобой абстиненция // Столица, 1997.03.18)

Следует заметить, что межпоколенческий дискурс рассматривается нами как составная часть поколенческого дискурса, в котором отсутствует эксплицированное обращение к другому поколению: *«Что же касается нашего поколения, то с эпохой, несмотря ни на что, нам повезло»* (И. Панин. 101 разговор с Игорем Паниным (2016))

Возрастной дискурс достаточно часто встречается как самостоятельный вид дискурса:

«– Напрасно, – весело отозвался князь, – мы в твоём возрасте умели жить, – и он тряхнул своими густыми серыми кудрями». (Ф.Е. Зарин-Несвицкий. За чужую свободу (1910))

Возрастная идентичность эксплицируется посредством упоминания как непосредственно возраста коммуникантов, так и через описание их внешности. Вместе с тем, следует учитывать, что возраст является имманентной характеристикой любого коммуниканта, по-

этому возраст имплицитно присутствует в любом виде взаимодействия.

В процессе общения говорящий выбирает наиболее предпочтительную в определенной ситуации социальную роль, например врач в больнице может обращаться к больной пациентке, прежде всего, как специалист, разъясняющий суть заболевания, может попытаться поговорить как женщина с женщиной (если врач – женщина), может пытаться воздействовать на молодую пациентку как мать и человек с большим жизненным опытом. Однако также возможно одновременное сочетание нескольких ролей: «– Для меня работа – это жизнь. Дает она что-то или отнимает? Поди разберись. Одно я знаю точно: между мной – учительницей, мной – поэтом и мной – женщиной нет никакого зазора». (И. Панин. 101 разговор с Игорем Паниным (2016))

Учитывая переплетенность возрастных, поколенческих, семейных и педагогических аспектов социального взаимодействия, семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной дискурсы постоянно взаимодействуют друг с другом. Социальные интеракции протекают в группах, которые включают индивидов, относящихся к разным поколениям, как в случае семей, так и в случае представителей разных поколений, необязательно являющихся родственниками, а также учебных коллективов, состоящих из представителей разных поколений: «Непосредственные взаимоотношения поколений строятся в рамках социальных институтов. Семья – первичная группа, где индивид проходит первичную социализацию, инкультурацию, усваивает те или иные культурные ценности и установки, непосредственно взаимодействует с родительским, прародительским, своим (братьями, сестрами) поколением» [10]. В таких случаях образуется пересечение дискурсов, которое порождает их различные гибридные образования, в которых эксплицируются комбинированные идентичности коммуникантов, в частности, коммуниканты могут одновременно принадлежать конкретному поколению, являться членом определенной семьи, выступать в качестве участника учебного процесса в учебном заведении и быть определенного возраста. Для выявления преобладающего дискурса в подобных случаях необходимо определять, какая именно идентичность актуализируется через обращение к используемым маркерами (и, при необходимости, к экстралингвистическому контексту), т.е. актуализирована ли поколенческая принадлежность (например, «это поколение») или семейная соотнесенность (например, «моя семья»), либо же приоритетной становится роль в учебном процессе («ученики обязаны вести себя тихо») и прожитые годы («а вот мы в твоём возрасте...»).

Речевые фрагменты демонстрирует различные варианты сочетания дискурсов, например, семейного и воз-

растного, межпоколенческого и семейного, педагогического и межпоколенческого.

Диалогические единства демонстрируют, что часто взаимодействуют такие дискурсы, как межпоколенческий и семейный:

«Знаев вдруг понимает, что сын нес скоро выйдет из шока, что он, наверное, ждет, когда условный полужнакомый отец распрощается и исчезнет – и тогда можно вытащить мешок из-под кровати, пересчитать, сообразить.»

– Ничего особенного, – говорит Знаев, – в моем поколении нет. Как и в твоём.

– Есть, – возражает сын, подумав немного. – Твое поколение не такое, как другие. Я много читал... И с матерью говорил... Вы росли при социализме, а потом оказались в капитализме. Вы, ну... Травмированные. Надломленные. Это не я придумал. Так многие считают.» (А. Рубанов. Патриот (2017)).

Обозначение семейных связей между говорящими (маркеры «отец» и «сын», упоминание матери) и их сложных взаимоотношений маркирует семейный аспект данного контекста, но одновременно коммуниканты актуализируют поколенческие отличия, сравнивая свои поколения, что позволяет выделить вторую составляющую данного дискурсивного образования – межпоколенческую, т.е. фрагмент является примером семейно-межпоколенческого дискурса.

Стоит обращать особое внимание на гибридные образования с межпоколенческой составляющей, так как «Под диалогом поколений также можно подразумевать взаимодействие поколений: детей и молодежи, молодежи и людей среднего возраста, людей среднего и пожилого возраста и т.п. Также диалог поколений можно интерпретировать как детско-родительское взаимодействие. Диалог между поколениями может быть ориентирован на решение общих задач, достижение конкретных целей, поиск консенсуса по общественно значимым вопросам и т.д.» [10], т.е. семейный, педагогический и возрастной дискурсы могут часто актуализировать поколенческую составляющую в процессе коммуникации, например:

«– Армен, я хочу поставить тебе пятерку, – сказала она. – Потому что, мне кажется, именно для этого я с вами и работала, чтоб такое услышать...»

Учительница непедагогично шмыгнула носом.

– И на самом деле ваше поколение лучше нас, я не представляю, чтобы, когда я училась в школе, кто-то смог встать и признаться вслух, что он...»

– Гей? – подсказал Армен. – или армяшка?

Учительница мучительно покраснела.» (А. Жвалевский, Е. Пастернак. «Я бы на твоём месте» (2019))

Несмотря на наличие хронотопа школы и урока учи-

тельница преднамеренно актуализирует положительные качества молодого поколения, ассоциируя, таким образом, себя и учеников с разными поколениями, сравнивая и признавая достоинство молодого поколения по сравнению с собственным. Соответственно, несмотря на очевидную воспитательно-педагогическую направленность происходящего и эксплицированные атрибуты учебного процесса, необходимо избежать ложного восприятия данного фрагмента как относящегося главным образом к педагогическому дискурсу, и классифицировать его как относящегося к межпоколенческо-педагогическому дискурсу.

Еще одно частое сочетание – взаимодействие семейного и возрастного дискурсов:

«Родители сердились на меня за то, что я в пять лет не веду себя продуманно и взвешенно, как взрослая женщина, и наказывали за то, что в моих поступках отсутствовала логика. Я же стояла в углу и дулась, не понимая, в чем вечно виновата.

– Ты зачем скачешь, как сайгак, по комнате. Ты видела, чтобы кто-нибудь из взрослых так скакал? Вон прабабушка сидит, читает Псалтырь. Не скачет.

«Прабабушка молодец и не скачет. Будь как прабабушка», – словно говорили мне и наказывали за то, что я не прабабушка» (О.А. Савельева. Апельсинки: честная история одного взросления (2017)).

Данный пример демонстрирует, с одной стороны, взаимодействие в рамках семьи (прабабушка – родители – дочь), а с другой подчеркивает возрастные отличия (девочка пяти лет и ее сравнение с взрослой женщиной). Контекст манифестирует наличие целостности взглядов на жизнь в рамках одной группы (родителей) и осознание отличия между группами (на примере рассуждения пятилетней дочери) с вербальным воздействием для устранения существующих отличий. Фрагмент эксплицирует четко выстроенную иерархию статусов взаимодействующих индивидов сверху-вниз, от родителей к ребенку, от старшего к младшему (критерии определения «младшести» – возраст, наличие жизненного опыта, статус в семье). Воспитательное воздействие демонстрирует наличие определенных социальных стереотипов и норм, которым подчиняются взрослые (прабабушка и родители), и которым должна следовать девочка (чей возраст четко обозначен). Идентификаторами выступают существительные-номинанты иерархического положения (родители – дочь – семейная и старший – младший – возрастная иерархии), сравнение поведения ребенка с поведением взрослого человека (прабабушки и взрослой женщины), а также обращение на «ты», подразумевающим обращение к младшему по возрасту либо нижестоящему по статусу и с ограниченным жизненным опытом коммуниканту, с очевидно выраженным недовольством («Ты зачем скачешь, как сайгак... Ты видела, чтобы кто-нибудь из взрослых так скакал?») Таким

образом, актуализируются и возраст, и роль в семье, что позволяет идентифицировать данное образование как синкретичное семейно-возрастное.

Фрагменты монологической речи также могут демонстрировать сочетание различных дискурсов, например, возрастного, поколенческого и семейного дискурсов:

«Не каждый пожилой человек сможет разобраться или уследить за нововведениями современной жизни. А если сравнивать наше поколение и поколение наших родителей, то конечно нам проще приспособиться к этим технологиям, так как мы росли вместе с ними. Наш уровень пользования цифровыми технологиями очень высок. Мы легко приспосабливаемся к ним. В моей семье нет никаких разногласий по этому поводу. Каждый по-разному относится к этим технологиям, кто-то хорошо владеет ими, а кто-то не очень. Но мы всегда пытаемся помочь друг другу, потому что понимаем, что в нашей жизни без них никуда». (Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе. Монография. Под ред. О.А. Максимовой (2019))

Индикаторами, актуализирующими поколенческую принадлежность говорящего, в данном фрагменте являются, прежде всего, индикаторы «наше поколение» и «поколение наших родителей». Возрастной дискурс представлен описанием социальной группы через прилагательное «пожилой», имплицитным противопоставлением, при котором говорящий идентифицирует себя как молодого человека (по сравнению с пожилым человеком), а также описанием процесса взросления адресанта («мы росли»). Наконец, семейный дискурс вводится через упоминание родителей и семьи адресантом.

Межпоколенческий и возрастной дискурс также взаимодействуют в монологической речи:

«Удивительная наша молодежь!» (Доктор Древис. Телеграм (2022))

С одной стороны, в данном фрагменте подчеркивается возрастное отличие в рамках иерархии старший-младший, а с другой – подразумеваются различия во взглядах на жизнь, демонстрируя сопоставление ценностей, что характерно для представителей одного поколения по отношению к другому. Соответственно, понимание контекста позволяет интерпретировать данное высказывание как носящее и возрастной, и межпоколенческий характер.

Вместе с тем в процессе взаимодействия представителей таких социальных групп, как семья, учебный коллектив и поколения, возможно образование так называемых ложных композитов, затрудняющих выделение в них актуализированной идентичности и, соответственно, выявление правильного вида дискурса. Многознач-

ность языковых маркеров и экстралингвистический контекст в виде представлений коммуникантов об окружающем мире создают дополнительные сложности:

«Это может быть книга, которая переходит из поколения в поколение, крестик, который носила твоя бабушка, который потом достанется твоим внукам» (Б. Любимов. Три главные темы в жизни – Церковь, литература и театр (2015)).

Упоминание поколений и обращение к традициям могут ввести в заблуждение и заставить интерпретировать данный фрагмент как образец межпоколенческого взаимодействия. Заблуждение может усиливаться из-за использования фразеологизма «из поколения в поколение», который, однако, не подчеркивает поколенческую принадлежность коммуникантов, а лишь указывает на способ трансмиссии информации и сохранения и передачи вещей в рамках одной семьи. При внимательном изучении маркированность общения через экспликацию членов семьи адресата («твоя бабушка», «твои внуки») заставляет рассматривать речевой фрагмент как образец семейного дискурса.

Идентификация себя с определенным поколением («наше поколение») и сравнение мнения людей будущего с поколением автора эксплицирует межпоколенческую, но не семейную направленность следующего фрагмента:

«Я полагаю, потомки с удивлением обнаружат в нашем поколении досадное отсутствие способности ограждать великих творцов от мелочных притязаний и жестоких ударов». (А. Вертинская. Мастер (1990–2000))

Лексема «потомки» имеет несколько значений и может, прежде всего, обозначать индивидов по отношению к своим предкам или детей и наследников в определенной семье, т. е. речь может идти о семье, но также может обозначать представителей последующих поколений, поэтому при идентификации дискурса необходимо учитывать как сами маркеры, так и их значение в конкретном контексте. Данный фрагмент не содержит какого-либо упоминания семейных связей, сконцентрирован на деятельности выдающихся творческих людей, автором является знаменитая российская актриса, поэтому, несмотря на возможность потенциальной интерпретации значения лексической единицы «потомки» в рамках се-

ми, контекст связан с межпоколенческой направленностью взаимодействия.

В случае взаимодействия учителя и учеников в школе a-priori подразумевается их отличие по возрасту, но актуализация маркеров, разграничивающих роли коммуникантов в учебно-воспитательном процессе в ниже представленном фрагменте, а также понимание более широкого экстралингвистического контекста способствуют классификации следующего фрагмента как относящегося к педагогическому, но не возрастному дискурсу:

«– Андрей, я знаю, что ты хороший мальчик, – начала говорить классная, – мне очень все это неприятно. Но с Оксаной случилась нехорошая история. И она говорит, что в этой истории виноват ты...»

Классная встала и мягко положила руку Андрею на плечо.

– Я знала, что это не ты, – сказала она, – ты хороший мальчик.» (А. Жвалевский, Е. Пастернак. Я бы на твоём месте (2019))

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить такие сложные гибридные дискурсивные образования, как:

- межпоколенческий дискурс + семейный дискурс
- педагогический дискурс + межпоколенческий дискурс
- семейный дискурс + возрастной дискурс
- возрастной дискурс + межпоколенческий дискурс
- возрастной дискурс + межпоколенческий дискурс + семейный дискурс

В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что семейный, педагогический, межпоколенческий и возрастной дискурсы тесно взаимодействуют. Их взаимодействие носит синкретичный характер и приводит к образованию сложных гибридных образований. Определяющим фактором, позволяющим идентифицировать доминирующий или доминирующие дискурсы в случае их взаимодействия, становится актуализация и приоритизация идентичности участников речевого общения. Актуализация осуществляется посредством использования ядерных и периферийных маркеров, тематизации общения, а также обращением к экстралингвистическому контексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева, Е.Г. Лингвокогнитивный анализ дискурса: базовые понятия, термины, методики и аспекты исследования. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 72-80.
2. Гайда С. Философия стиля. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 9-17.
3. Русаков В.М. Дискурс-анализ или о необходимости методологического сомнения. Дискурсология: методология, теория, практика / под общей редакцией О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – С. 122-126.

4. Словарный запас: дискурс: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: –<https://strelkamag.com/ru/news/vocabulary-discourse>
5. Крылов А.А. Социолингвистические, лингвокультурологические и функционально-прагматические особенности речевого поведения носителей арабского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20. – М., 2017. – 23 с.
6. Чабаненко, М.Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01. – Кемерово, 2007. – 21 с.
7. Трейси, К. Повседневный разговор / Карен Трейси, Джессика С. Роблз. – Харьков: Гуманитарный центр, 2015. – 446 с.
8. Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.19. – Тверь, 2004. – 20 с.
9. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. – М.: Издательство ИКАР, 2002. – 236 с.
10. Введенская О. В. Диалог поколений как диалог культур: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/11/culture/vvedenskaya.pdf
11. Fillmore Ch. Toward a Theory of Deixis. //Univ. Hawaii Working Papers in Linguistics. 1971. 346 p.
12. Harari, Yuval Noah. 21 Lessons for the 21st Century. 2018. Spiegel & Grau, New York. – 372 p.

© Садовская Екатерина Юрьевна (sadvskaya@sbmt.by).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Минский государственный лингвистический университет